

DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-52-58

УДК 343.214

Семантико-функциональная диспозитивность в интерпретации оценочных понятий уголовного закона

Д. Р. КАСИМОВ – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Удмуртского государственного университета

В статье анализируются семантические и функциональные возможности и пределы уголовно-правовых оценочных понятий. Выделяются два типа источников семантико-функциональной диспозитивности оценочных понятий: логико-языковые (содержание и объем оценочного понятия) и нормативно-функциональные (регулятивно-функциональный контекст уголовного закона и его конкретной нормы). Отмечается, что буквальное толкование некоторых оценочных понятий уголовного закона может привести к ошибочному восприятию заложенного в них законодателем смысла и, как следствие, неправильному применению соответствующей уголовно-правовой нормы. Делается вывод, что уголовно-правовые оценочные понятия, будучи опосредованными правовым дискурсом, обладают исчерпывающими функциональными возможностями и одновременно инвариантным, строго определенным (хотя и в генерализованном виде) содержанием и самоадаптирующимся к текущим реалиям понятийным объемом.

Ключевые слова: теория правового толкования; оценочные понятия; толкование оценочных понятий; семантико-функциональная диспозитивность; пределы оценочных понятий.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Касимов Д. Р. Семантико-функциональная диспозитивность в интерпретации оценочных понятий уголовного закона. *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 4 (14), с. 52–58, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-52-58.

Semantic and functional optionality in the interpretation of evaluative concepts of criminal law

D. R. KASIMOV – Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Udmurt State University

The article analyzes the semantic and functional capabilities and limits of criminal law evaluative concepts. There are two types of sources of semantic and functional optionality of evaluative concepts: logical and linguistic (the content and scope of the evaluative concept) and normative and functional (regulatory and functional context of the criminal law and its specific norm). At the same time it is noted that the literal interpretation of some evaluative concepts of the criminal law can lead to an wrong perception of the meaning laid down in them by the legislator and, as a consequence, to the incorrect application of the corresponding criminal law norm. It is concluded that criminal-legal evaluative concepts, being mediated by legal discourse, have exhaustive functional capabilities and at the same time invariant, strictly defined (albeit in generalized form) content and conceptual volume self-adapting to the current realities.

Key words: theory of legal interpretation; evaluative concepts; interpretation of evaluative concepts; semantic and functional optionality; the limits of evaluative concepts.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Kasimov D. R. Semantic and functional optionality in the interpretation of evaluative concepts of criminal law. *Ius publicum et privatum* : online scientific and practical journal of private and public law, 2021, no. 4 (14), pp. 52–58, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-52-58.

Отечественное уголовное законодательство конституируется на различных по характеру семантической определенности правовых нормах и их элементах (терминах, понятиях, категориях). Одни уголовно-правовые нормы (их элементы) характеризуются абсолютной семантической определенностью, не предоставляя субъектам права возможности их понимания, интерпретации и применения в отличном от нормативно подразумеваемого значения и смысла. При этом важно заметить, что в такого рода случаях законодателем может быть также предусмотрена семантическая альтернативность, что зависит от функционального предназначения нормы, характера означаемого такой нормой понятия и иных факторов. Другие же правовые нормы и входящие в них элементы, будучи точно и исчерпывающе не раскрытыми в УК РФ, являются источниками семантико-функциональной диспозитивности, что таит в себе опасность проявления субъективизма, приводящего к ошибочной интерпретации такой нормы и ее элементов, а в практической деятельности – к неправильному правоприменению. Именно ко второй группе относится такой вид юридических абстракций, как оценочные понятия.

Отсутствие точных, исчерпывающих и в то же время нормативно закрепленных условий применения оценочного понятия к конкретным ситуациям придает данным терминам юридико-техническую ценность не только с точки зрения текстуальной оптимизации уголовного закона, но и с позиции пробельной превенции, обеспечения повышенной стабильности и эффективности в правовом регулировании общественных отношений. Наряду с этим важно заметить, что использование законодателем оценочных понятий вовсе не свидетельствует о неопределенности содержания нормативного предписания, на что в своем определении акцентировал внимание Конституционный Суд Российской Федерации¹, поскольку семантический диапазон оценочного суждения (как впрочем, и функциональный его диапазон, коль скоро он исходит от языковых знаков) задается естественным языком и, что немаловажно, конкретизируется языком права, а потому такое понятие всегда будет иметь ядро своей определенности (хотя бы в виде лексического(-их) значения(-й)). В то же время неопределенность, хотя и содержится в оценочных понятиях (причем в различных своих проявлениях), не обладает абсолютным характером, а представляется

в более конкретизированном для той или иной правовой ситуативной модели виде.

Говоря о семантической и функциональной диспозитивности оценочных понятий уголовного закона, следует обратить внимание на типы ее источников: логико-языковой (относится к логическим атрибутам оценочного понятия) и нормативно-функциональный (связан с функциональным предназначением соответствующей нормы права и ролью оценочного понятия в ее фактической реализации).

В первую очередь необходимо обозначить логико-языковой источник диспозитивности. Как известно, оценочное понятие, опосредуясь юридическим дискурсом, существует в той же логико-лингвистической действительности, что и иные лексические единицы естественного языка, вследствие чего ему также свойственны и общелогические атрибуты – содержание (отличительно-существенные признаки понятия и означаемого им объекта – предмета, явления, процесса, статуса и т. п.) и объем (предметная совокупность понятийно обозначаемого). Важно также отметить следующее: содержание оценочного понятия является неизменным в течение действия соответствующей редакции уголовного закона, в то время как объем понятия является динамичным атрибутом, самоадаптирующимся к сложившимся к моменту интерпретации социальным, экономическим, политическим, научно-техническим, морально-нравственным и иным реалиям действительности. Это обусловлено тем, что, во-первых, правом добавления к уголовно-правовому оценочному понятию новых существенных признаков наделен лишь законодатель, в противном случае интерпретатор будет волен самостоятельно изменять закон, что недопустимо, а во-вторых, объем такого понятия не поддается исчерпывающей сущностной и аксиологической детерминации в силу различных причин объективного характера (неизмеримость или трудноизмеряемость на данный момент состояний понятийно означаемых объектов, отсутствие способов точного и исчерпывающего определения их правозначимых состояний, отсутствие общепринятой системы оценки сущностных атрибутов понятийно обобщенных объектов и др.).

Исходя из изложенного, следует не согласиться с мнениями тех ученых², которые считают, что к оценочному понятию, обладающему открытой логической структурой, всегда может(-гут) быть добавлен(-ы) по-

мимо нормативно закрепленных признаков новый(-е) признак(-и). Интерпретатор, сталкиваясь с той или иной ситуацией, обнаруживает не новые сущностные признаки оценочного понятия, а новые формы проявления понятийно означаемого объекта (его конкретные состояния, характеризующиеся индивидуальным набором признаков, свойств и качеств, охватываемых содержанием оценочного понятия). Поэтому в суждении данных авторов ошибочно отождествляются существенные признаки оценочного понятия с индивидуальными, проявившимися в конкретной ситуации существенными признаками объекта, входящего в объем (а значит, и соответствующие содержанию) оценочного понятия. Однако УК РФ все же определяет содержание оценочного понятия, но не предусматривает прямой ссылки на потенциально возможные формы проявления означаемого таким содержанием.

Также следует подчеркнуть, что сведения о той или иной характеристике (признаке, свойстве, качестве) состояния объекта, подразумеваемого оценочным понятием, находятся не столько в норме права, сколько вне нормативного контекста – во внеправовых стандартах оценки, эпистемологическим источником которых может быть любая сфера человеческого знания (химия, медицина, история, социология и др.). Поэтому содержание и объем оценочных понятий уголовного закона сущностно и аксиологически детерминируются и одновременно ограничиваются соответствующим(-и) внеправовым(-и) стандартом(-ами) оценки, который(-е) должен(-ны) основываться на достоверных и объективно выраженных данных, так как результат интерпретации должен обладать верифицирующей потенциальностью – быть проверяемым не только с точки зрения самого интерпретатора, но и с позиций третьих лиц. Как отмечает О. М. Фисс, объективность в интерпретации закона означает, что предлагаемый субъектом вариант (результат) интерпретации «может быть измерен с помощью набора норм, которые выходят за рамки конкретной точки зрения лица, предлагающего интерпретацию»³.

Между тем в некоторых случаях законодатель конкретизирует логические атрибуты оценочного понятия нормативным контекстом, что возможно благодаря системности права, существованию функционально-систематических связей и отношений как между нормами уголовного закона, так и между нормами УК РФ и нормами функционально-

комплементарного ему нормативно-правового или иного акта. Причем такая нормативная конкретизация, осуществляемая законодателем лишь в отношении гомогенных по характеру обстоятельств (например, в отношении последствий деяния), проявляется либо в виде формально-номинативной дефиниции (когда содержащая оценочное понятие норма права лишь в обобщенном виде обозначает характер проявления такого понятия), либо посредством указания на конкретные, исключаемые из объема оценочного понятия формы проявления понятийно означаемых объектов. Так, в ч. 1 ст. 6 УК РФ для оценочных понятий «справедливое наказание» (ч. 1 ст. 6 и ч. 1 ст. 60 УК РФ) и «справедливая иная мера уголовно-правового характера» (ч. 1 ст. 6 УК РФ) установлена общая формально-номинативная дефиниция: назначаемое наказание или иная мера уголовно-правового характера должна «...соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Или, к примеру, законодателем конкретизировано такое оценочное понятие, как «тяжкие последствия» (ч. 4 ст. 183 УК РФ): исходя из контекста ст. 183 УК РФ в объем данного понятия не входит причинение любого материального ущерба, поскольку в ч. 3 ст. 183 УК РФ присутствует понятие «крупный ущерб», значение которого точно определено в примечании к ст. 170.2 УК РФ (ущерб, превышающий два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей). В таких случаях оценочное понятие мыслится в более конкретном виде, сужающем область познавательного-интерпретационного поиска. Однако такая конкретизация все же не способна уточнить смыслофункциональный потенциал оценочного понятия применительно к конкретной ситуации, так как он должен быть уточнен самим интерпретатором в рамках процесса истолкования и конкретизации такого понятия по отношению к проявившемуся ситуативному контексту.

Что касается нормативно-функционального источника диспозитивности, следует отметить, что функциональный потенциал оценочного понятия напрямую зависит от места и роли конкретной уголовно-правовой нормы в функционально-регулятивном механизме уголовного закона. Между тем функциональный потенциал оценочного понятия строго ограничен, во-первых, отведенной законодателем для той или иной нормы права регулятивной потенциальностью (характером и типом диспозитивности), а во-

вторых, нормативно предусмотренным модификационным влиянием оценочного понятия (каким образом и в какой мере) на функциональную реализацию соответствующей нормы к потенциально возможным случаям, функциональной синергетичностью такого понятия с другими элементами правовой нормы (если таковые имеются).

Выделяют следующие типы функционального применения уголовно-правовой нормы и входящего в нее оценочного понятия:

1. Однозначный (безальтернативный) тип. Данному типу свойственно то, что законодателем в соответствующей уголовно-правовой норме предусматривается безальтернативность в урегулировании общественных отношений, то есть наличие лишь одного способа применения и функционирования нормы в регулятивном механизме уголовного закона. В связи с чем оценочное понятие обладает точной и исчерпывающей функциональной потенцией, выход за которую влечет нарушение принципа законности (ст. 3 УК РФ). Так, функциональная потенция оценочного понятия «систематическое неисполнение несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия» (ч. 4 ст. 90 УК РФ) выражена одним способом применения нормы – отменой названной меры и направлением материалов дела в суд для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности. Наряду с этим при однозначном типе те формы проявления понятийно означаемого, которые сущностно и аксиологически превышают минимально допустимый порог вхождения в семантику (нижний семантический предел) оценочного понятия, являются функционально и юридически инертными, неспособными более индивидуализировать условия общей применимости нормы к конкретной ситуации.

2. Альтернативный тип. Характеризуется наличием у соответствующей нормы, содержащей оценочное понятие, нескольких, явно выраженных и исчерпывающих вариантов ее функционального применения. При этом альтернативность может выражаться в следующих двух формах. Во-первых, как правомочие, то есть когда в отношении единственного функционального применения нормы уголовным законом предоставлено правомочие (а не обязанность) на реализацию такого нормативного положения, о чем свидетельствуют используемые законодателем формулировки «может», «может быть» и др. (как, например, в п. «а» ч. 7 ст. 79 УК РФ для оценочного понятия «злостное уклонение осужденного от исполнения обязанно-

стей, возложенных на него судом»). Кроме того, необходимо также указать, что в крайне редких случаях управомочивающей по форме альтернативе может сопутствовать императивно обязывающее функциональное основание: например, для оценочного понятия «психическое расстройство, лишаящее лицо возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими» (ч. 1 ст. 81 УК РФ), где безальтернативность проявляется в освобождении лица от наказания (в том числе уже применяемого к нему наказания), а управомочивающая альтернатива – в назначении либо неназначении принудительных мер медицинского характера. Во-вторых, в наличии двух или более (причем различных между собой) вариаций функциональной применимости конкретной уголовно-правовой нормы (а значит, и оценочного понятия). Так, для оценочного понятия «лицо, не представляющее опасности по своему психическому состоянию» (ч. 4 ст. 97 УК РФ) уголовным законом предусмотрены три правоприменительные альтернативы: либо лечение лица в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, либо направление лица в стационарные учреждения социального обслуживания для лиц, страдающих психическими расстройствами, либо отказ от применения принудительных мер медицинского характера и решение вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности или освобождении от нее.

3. Поливариантный тип. В первую очередь следует подчеркнуть, что, в отличие от альтернативного типа, поливариантность, хотя и характеризуется исчерпывающим и в то же время семантически ясным функциональным потенциалом, однако в норме права (в той же, что и оценочное понятие, или в смежной ей норме) эксплицитно выражается лишь в генерализованной форме, указывая, как правило, на минимально и максимально допустимые пределы функциональной реализации такой нормы и оценочного понятия. К тому же при поливариантности количество потенциально возможных функциональных значений уголовно-правовой нормы (оценочного понятия) значительно больше, чем при обозначенном ранее альтернативном типе, так как функциональный потенциал задается либо только континуально-интервальным типом (что особенно характерно для оценочных понятий, напрямую обуславливающих срок или размер наказания, поскольку каждый единично возможный срок

(размер) конкретного вида наказания есть соответствующее функциональное значение), либо смешанным (детерминированным как альтернативность между континуально-интервальным и дискретным (абсолютно определенным, в виде однозначного правоприменительного условия) характеристиками функциональных значений). К примеру, оценочное понятие «исключительные обстоятельства» (ч. 1 и 2 ст. 64, ч. 3 ст. 68 УК РФ) обладает как континуально-интервальным (в отношении наказания ниже низшего предела), так и дискретным (в отношении назначения более мягкого вида наказания, чем предусмотрен соответствующей статьей, а также неприменения дополнительного вида наказания, предусмотренного в качестве обязательного, либо положения ст. 64 УК РФ вообще) характеристиками функциональных значений.

Относительно альтернативного и поливариантного типов следует также указать, что решение о применении того или иного функционального значения нормы зависит не только от характера соответствующих обстоятельств, но и от убежденности правоприменителя в необходимости, целесообразности и эффективности применения конкретного положения в отношении сложившейся ситуации.

Обозначенные типы функционального применения уголовно-правовой нормы и оценочного понятия свидетельствуют, с одной стороны, о многообразии их функционально-регулятивного предназначения, а с другой – об их конечных функциональных возможностях, проявляющихся в семантически точных (например, конкретный диапазон сроков или размеров того или иного наказания, установленный статьями Общей части и санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ, название законодателя в норме конкретного (не обладающего неясностью) правоприменительного действия и т. п.) и одновременно типовых по характеру формах выражения.

Таким образом, логико-языковые и нормативно-функциональные источники диспозитивности оценочных понятий устанавливают те семантико-функциональные параметры понятийно означаемого, которые соответствуют подлинному смыслу уголовного закона, его регулятивному предназначению.

Между тем резонно возникает вопрос: может ли уголовно-правовое оценочное понятие подлежать ограничительному и распространительному толкованию? Исходя из

анализа УК РФ, следует указать, что если говорить о нормативно подлинной семантико-функциональной сущности оценочных понятий, то такие понятия, во-первых, лишь в некоторых уголовно-правовых нормах действительно подлежат ограничительному или распространительному толкованию, в других же они толкуются по своему буквальному значению, а во-вторых, не способны одновременно интерпретироваться и представлять конечный (пригодный для практического использования) результат с позиций разных видов толкования (буквального, ограничительного и распространительного). Это объясняется тем, что если бы оценочное понятие всегда могло применяться как по буквальному, так и по ограничительному и распространительному смыслам и значениям, то нарушался бы в первую очередь принцип законности (ст. 3 УК РФ), а потому воспринимать и толковать оценочное понятие интерпретатор смог бы по своему разумению и собственному видению конкретной ситуации; однако все же применять такое понятие и содержащую его норму права интерпретатор не смог бы шире тех функциональных пределов, которые заложены в норме, в противном случае налицо явное пренебрежение нормами права, влекущее предусмотренную законом ответственность.

Так, оценочное понятие «значительный ущерб гражданину» (к примеру, в п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 160 УК РФ и др.) при буквальном толковании подразумевает определенный, необходимый для образования состава преступления статус потерпевшего – гражданин, то есть лицо, обладающее каким-либо гражданством (российским, иностранным или несколькими одновременно). При таком толковании оценочного понятия апатрид (лицо без гражданства) не сможет являться потерпевшим, а потому на него не распространяются те уголовно-правовые нормы, которые содержат названное оценочное понятие. Рассуждая подобным образом, интерпретатор, конечно же, искажает действительную волю законодателя, так как уголовный закон основывается на фундаментальном принципе равенства лиц перед законом (ст. 4 УК РФ), исключение которого из интерпретационной и, в особенности, правоприменительной деятельности попросту недопустимо, иначе это приведет к дискриминации по признаку гражданства. Поэтому оценочное понятие «значительный ущерб гражданину» в соответствующих уголовно-правовых нормах следует отчасти (в

отношении термина «гражданин») толковать распространительно.

Применительно к ограничительному толкованию следует привести следующий пример. Если в контексте п. «в» ч. 2 ст. 334 УК РФ буквально интерпретировать оценочное понятие «иные тяжкие последствия», то в объем данного понятия может быть включено любое, помимо указанных в ст. 334 УК РФ, последствие тяжкого характера, даже, например, «умышленное причинение смерти человеку» (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ; при отсутствии иных квалифицирующих деяние обстоятельств). Однако в данном случае оценочное понятие «иные тяжкие последствия» нельзя толковать буквально, потому что нарушается один из фундаментальных принципов построения и существования правовой материи – ее системность; в связи с чем убийство не является одной из форм проявления «иных тяжких последствий» в контексте п. «в» ч. 2 ст. 334 УК РФ.

Поскольку «возможность искажения изначального смысла в ходе его интерпретации вполне реальна»⁴, то, прибегая к ограничительному или распространительному толкованию уголовно-правовых оценочных понятий, следует иметь в виду, что, во-первых, при интерпретации адаптивной корректировке подлежит не функциональный потенциал оценочного понятия (изменить который может лишь законодатель), а его семантический диапазон, а во-вторых, предельность допустимых и одновременно необходимых семантических изменений напрямую регулируется целями, задачами, принципами, а также функционально-систематическими связями (отношениями) уголовного закона, общими положениями о применении той или иной функциональной группы уголовно-правовых норм (например, положениями о назначении наказания), семантикой оценочного понятия и содержащей его нормы права и т. п. Как верно подмечает Т. Я. Хабриева, «...нельзя истолковать шире того содержания норм, которое означает их максимально допустимый радиус регулирования»⁵.

Помимо этого, следует заметить, что, например, Г. С. Беляева и К. А. Белоусова указывают на невозможность истолковать оценочные понятия (любые, не только уголовно-правовые) распространительно или ограничительно, так как «правоприменитель при их уяснении находится в рамках вербальной содержательной структуры, созданной законодателем»⁶. Поскольку оценочное понятие есть языковой

знак, опосредованный юридическим дискурсом, а значит, имеющий свои, отличные от общеупотребительного (лексического) поля специально-юридических значений и смыслов, то, по мнению автора, прибегать только лишь к буквальному (естественно-языковому) истолкованию такого понятия означает «объективно вменять» семантическому диапазону оценочного понятия те значения и смыслы, которые постулируются исключительно естественным языком (то есть без учета особенностей семантики языка права). В связи с чем ценно замечание М. Д. Шаргородского, который акцентировал внимание на том, что невозможно «следовать одному лишь буквальному применению закона», поскольку «такое слепое применение закона может часто привести к выводам, которых законодатель вовсе не желал»⁷, в чем можно было убедиться на вышеуказанных примерах. К тому же, если бы нормы права всегда толковались лишь буквально, то в юридической науке не существовали бы иные способы толкования, кроме как языкового и логического, в связи с чем не было бы необходимости использовать функциональный, исторический, систематический и иные способы интерпретации. Поэтому, толкуя уголовно-правовое (как и любое другое) оценочное понятие, необходимо прежде всего в превентивных целях скептически относиться к текстуально отображенному в норме права (иначе говоря, буквальному) значению какого-либо оценочного понятия (в том числе конституирующих его слов), поскольку такое значение, являясь по своей сути значением «по умолчанию», так или иначе семантически и тем более функционально конкретизируется нормативным контекстом, ведь праву свойственно «регулировать общественные отношения не только по “букве”, но и по “духу закона”»⁸. Между тем нельзя преуменьшать роль естественного языка в интерпретации (как и в праве в целом, потому что «без языка нет и не может быть правового регулирования»⁹), так как именно естественный язык, являясь одним из основных инструментов семантического препарирования текстуально выраженной законодательной мысли, обеспечивает для субъектов права доступность восприятия и уяснения семантики оценочного понятия, задавая инвариантное ядро его определенности в виде лексического(-их) значения(-й).

Таким образом, ограничительно или распространительно толковать оценочные понятия уголовного закона интерпретатор может лишь в строго определенных, регу-

лятивно подразумеваемых случаях, обнаружению которых содействуют его теоретические знания (включая знание действующего законодательства), индивидуальное правосознание, а также иные факторы. Кроме этого, важно подчеркнуть, что интерпретатор в процессе толкования любых оценочных понятий может ограничительно или распространительно истолковать такое понятие (например, в рамках логического приема «*reductio ad absurdum*» – доведение до абсурда) в целях семантико-функциональной

верификации принимаемого им решения, повышения уверенности и необходимости принятия именно такого, а не какого-либо другого решения.

В заключение следует сказать, что уголовно-правовое оценочное понятие все же не есть абсолютная абстракция, а представляет собой контекстно соотнесенную (а значит, семантически конкретизированную) и функционально предельную лексическую единицу, существующую в едином дискурсивном пространстве уголовного закона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яновича Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 1064, пунктом 1 статьи 1079 и абзацем вторым пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 21.02.2008 № 120-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976. С. 136; Кобзева Е. В. Оценочные признаки в уголовном законе : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 114; Фетисов О. Е. Оценочные понятия в праве: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 43; Рясина А. С. Оценочные категории: общетеоретический и нравственно-правовой аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 54.

³ Fiss O. M. Objectivity and interpretation // *Stanford Law Review*. 1982. Vol. 34, no. 4. P. 744.

⁴ Грязин И. Текст права (опыт методологического анализа конкурирующих теорий). Таллин, 1983. С. 52.

⁵ Хабриева Т. Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 6. Теория толкования права. Теория правотворчества. Концепции развития законодательства. М., 2018. С. 111.

⁶ Белоусова К. А. Оценочные категории в праве: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2019. С. 111; Беляева Г. С., Белоусова К. А. Оценочные категории в праве: общетеоретическое исследование : моногр. М., 2020. С. 62.

⁷ Шаргородский М. Д. Толкование уголовного закона // Учен. зап. ЛГУ. Сер. : Юрид. науки. 1948. № 106. Вып. 1. С. 290.

⁸ Иншаклова А. О. Трудности использования оценочных категорий в межотраслевых юридических исследованиях: причины и следствия // Правов. парадигма. 2019. Т. 18. № 2. С. 8.

⁹ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : моногр. М., 2012. С. 13.

¹ Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` grazhdanina Yanovicha Maksima Vladimirovicha na narushenie ego konstitucionny`h prav punktom 1 stat`i 1064, punktom 1 stat`i 1079 i abzacem vtory`m punkta 2 stat`i 1083 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii : opredelenie Konstitucz. Suda Ros. Federacii ot 21.02.2008 № 120-O-O. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

² Zhrebkin V. E. Logicheskij analiz ponyatij prava. Kiev, 1976. S. 136; Kobzeva E. V. Ochenochny`e priznaki v ugovolnom zakone : dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2002. S. 114; Fetisov O. E. Ochenochny`e ponyatiya v prave: problemy` teorii i praktiki : dis. ... kand. yurid. nauk. Tambov, 2009. S. 43; Rjasina A. S. Ochenochny`e kategorii: obshheteoreticheskij i npravstvenno-pravovoj aspekty` : dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2012. S. 54.

³ Fiss O. M. Objectivity and interpretation // *Stanford Law Review*. 1982. Vol. 34, no. 4. P. 744.

⁴ Gryazin I. Tekst prava (opy`t metodologicheskogo analiza konkuriruyushhix teorij). Tallin, 1983. S. 52.

⁵ Habrieva T. Ya. Izbranny`e trudy`: v 10 t. T. 6. Teoriya tolkovaniya prava. Teoriya pravotvorchestva. Konceptii razvitiya zakonodatel`stva. M., 2018. S. 111.

⁶ Belousova K. A. Ochenochny`e kategorii v prave: voprosy` teorii i praktiki : dis. ... kand. yurid. nauk. Belgorod, 2019. S. 111; Belyaeva G. S., Belousova K. A. Ochenochny`e kategorii v prave: obshheteoreticheskoe issledovanie : monogr. M., 2020. S. 62.

⁷ Shargorodskij M. D. Tolkovanie ugovolnogo zakona // Uchen. zap. LGU. Ser. : Yurid. nauki. 1948. № 106. Vy`p. 1. S. 290.

⁸ Inshakova A. O. Trudnosti ispol`zovaniya ocenochny`x kategorij v mezhotraslevy`x yuridicheskix issledovaniyax: prichiny` i sledstviya // Pravov. paradigma. 2019. T. 18. № 2. S. 8.

⁹ Cherdancev A. F. Logiko-yazy`kovy`e fenomeny` v yurisprudencii : monogr. M., 2012. S. 13.